

Парижский пригород Булонь-Бийанкур. Темноватая зимняя Сена. Накрепко причаленная к берегу огромная, зеленого цвета баржа с надписью на борту: «Аран». Около мостика, соединяющего сушу с плавсредством, звонок. Нажимаю пару раз, и в иллюминаторе появляется знакомое по множеству фотографий улыбающееся лицо. Жильбер Беко машет рукой — мол, не робей, заходи.

Раньше мы говорили «французские шансонье» и подразумевали — Ив Монтан, Жак Брель, Джо Дассен, Жильбер Беко. Первые трое, земля им пухом, покинули этот бренный мир. Жильбер — последний из мотикан? Как-то не подходит это определение к пышущему здоровьем и энергией человеку, которого не зря здесь называют «Месье 100 тысяч вольт». Обладатель десятков «золотых» и «платиновых» дисков, в частности, за неуязвимую «Натали», Жильбер Беко не только сам поет, но и пишет музыку для таких мировых звезд, как Фрэнк Синатра, Барбара Стрейзанд, Лайза Минелли, Стиви Уандер. На три года певец устроил перерыв, и вот сейчас вышла его новая пластинка «Вместе».

Шансонье под 70, но больше «полтинника» не дашь — крепкий, мускулистый, с еле заметной седой в густых каштановых волосах. Жильбер встретил меня не в галстук в горошек, без которого он не появляется ни на одном концерте (это своего рода талисман), а в домашнему в темной рубашке с открытым воротом. Спускаемся в черво баржи, центральная часть которой переоборудована под гостиную. Мягкая мебель, картины, черная стойка бара.

— Жильбер, вы давно живете на воде? И почему на это решились?

— Скоро будет пять лет. Знаете, здесь куда приятнее, чем в обычной квартире. Создается впечатление, будто на отдыхе, на даче. Потом ты всегда знаешь, что когда угодно можно поднять паруса (это, конечно, условно) и отправиться в плавание. Ощущение свободы. Сама мысль об этом уже привлекательна. А у вас такого нет на Москве-реке?

— Насколько известно, пока нет, но кто знает, может быть, с вашей подачи и Пьера Ришара такое поверье появится и у нас. Ришар, чья баржа «припаркована» в центре Парижа в двух шагах от площади Согласия, рассказал мне, что жизнь на воде его привлекает какой-то умиротворенностью.

— Все-таки в центре шумновато. Речные трамвайчики с туристами то и дело поднимают волну. К тому же там надо иметь кучу разрешений, если вдруг решил отправиться в путь. У меня гораздо проще — поднял якорь и в дорогу.

— У вас тут все удобства?

— Все. Электричество, отопление, горячая вода, телефон.

— Кто занимается уборкой, готовит?

— Конечно, у меня есть помощники. Сейчас отпразднили за новогодними покупками. А так я здесь живу и работаю один. Правда, у меня есть дома на юге Франции, в Швейцарии на Корсике.

— Но на Корсике сейчас тревожно, постреливают, взрывают...

— Время от времени. Я успел побывать в Сопровителении. Так что бомбы на меня особого впечатления не производят. Все ходим под Богом. Вот и в Париже недавно террористы бомбу взорвали... Что ж, такова плата за демократию.

— Вопрос, от которого нам сегодня не уйти: как родилась ваша «Натали», песня из тех, которые остаются навсегда?

— В середине 60-х, когда я часто выступал в России, «Натали» появилась как возникшее абсолютно естественно теплое и дружеское отношение к вашей стране.

— У нас многие считают, что в ней частичка вашей биографии. Говорили, что была такая переводчица в «Интуристе», и с ней у вас был роман...

— Не совсем так. Правда, после того, как эта песня облетела весь свет и стала очень популярной в СССР, те, кто отвечал за мои последующие гастроли с вашей стороны, «прикрепили» ко мне в сопровождающих симпатичную русскую переводчицу — блондинку по имени Наташа. Но это было позже.

Но с «Натали», с песней, не все сначала было гладко. Когда я решил ее впервые исполнить по советскому телевидению, мне было сказано, что это нежелательно. Люди на телевидении боялись какого-то политического подтекста песни, которого там не было. И тогда я сказал, что если мне не дадут спеть «Натали», то я вообще выступать не буду. Заваруха была серьезная. Пошли звонки во все высокие инстанции. А в тексте, напомним, речь идет о молодом француз и русской переводчице, которые после гуляния по зимней Москве, Красной площади оказались у ее друзей в университетском общежитии, где пели песни, болтали обо всем на свете, не забывая о русской водке и французском шампанском. А потом, оставшись наедине и забыв обо всем, включая мавзолей Ленина и Октябрьскую революцию, отдались любви.

— По тем временам такой тесный контакт с иностранцем, мягко говоря, не поощрялся, и Натали, узнай об этом ее начальство из «Интуриста», могла с треском вылететь с работы...

— В конце концов появилось некое ответственное лицо, которое ознакомилось с текстом песни и долго чесало в затылке — разрешать или нет. Но «Натали» я все-таки спел. Никакой подрывной подоплеку, а тем более идеологической диверсии в ней не было.

— Ваше последнее выступление на французской сцене состоялось в октябре 1993 года. Почему вы решили затем устроить себе трехлетний отпуск?

— Сложно эти годы назвать отпуском. Дело в том, что до этого я слишком много выступал. Так, в предыдущем 1992 году я устроил 249 концертов. Согласитесь, это тяжело. Вот я и решил с тех пор сделать передышку. Поднимался на сцену всего лишь 150 раз — гастрольно по всему свету.

— Слушая ваш последний альбом, мне пришла в голову мысль, Жильбер Беко решил сделать что-то новенькое. Современные мелодии, музыкаль-

ные инструменты, много гитар...

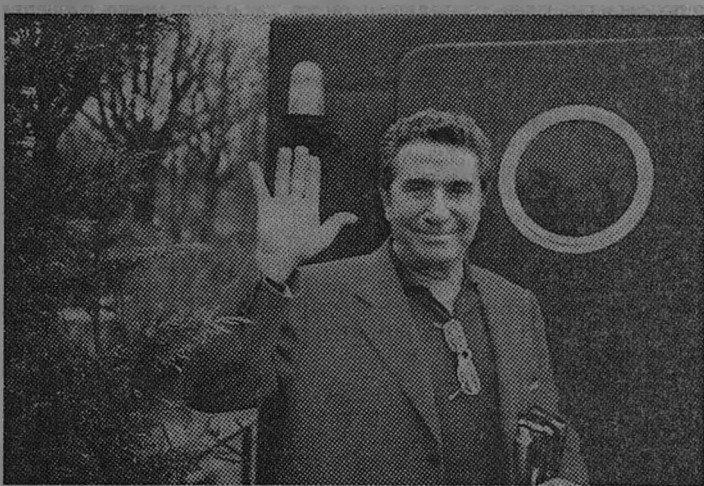
— Знаете, если ты настоящий артист, то надо постоянно самому себе бросать вызов. Искать новые формы. «Натали» — прекрасная песня, но если сделать 40 версий одной и той же темы, то это будет явный перебор.

— Молодость души. Эта тема, как мне показалось, вас сейчас интересует больше, чем раньше. Она четко прозвучала в песне «Дети с седыми волосами».

— Я убежден, что возраст — дело относительное. Есть старички в 18-летнем возрасте и юноши в 70-летнем. Как человек себя ощущает и что он несет людям — вот

Жильбер БЕКО:

С НАТАЛИ Я ЕЩЕ ВСТРЕЧУСЬ

что главное. Песня как раз об этом.

— Мне она показалась автобиографичной.

— Все мои песни в какой-то степени автобиографичны, ведь написал их я, а значит, они часть меня, но одновременно их нельзя понимать дословно — их тексты не списаны с моей биографии.

— Когда вы начали петь?

— Тому уже 44 года. Есть люди, которые сами выбирают жизненный путь. А есть те, которых выбирает на что-то жизнь. Я отношусь ко второй категории. Получилось как бы само собой. Писать песни и петь их для меня так же естественно, что и дышать.

— В начале пути вы встречались со многими великими шансонье, в частности, с Морисом Шевалье. Он сыграл в вашем музыкальном становлении определяющую роль?

— В какой-то степени да. Он всем тогда говорил: «Спешите на концерты этого молодого человека, иначе не успеете» — через полгода о нем все забудут. Как оказалось, он ошибался.

— Почему вас называют «Месье 100000 вольт»?

— Один из ваших американских коллег так меня назвал в одной из статей после моего выступления. И все стали повторять.

— Значит, это отражает ваш характер?

— Не мне судить, но так все говорят. Особенно когда я оказываюсь на сцене.

— И вне сцены. Был случай, когда, так сказать, разрядом в тысячи вольт вы наградили одного нахального репортера...

— Знаете, люди разные. Когда кого-то начинают задирать, некоторые предпочитают ретироваться, другие плачут, а третьи — бьют. Я из тех, что бьет наотмашь. Не подумайте, что я опасный тип. Но нахальства не терплю. Я не из тех, кому дают под зад, и он подает на обидчика в суд. Я отвечаю так же, может быть, даже пореактивнее. Помню эпизод, о котором вы говорите, Он был отнесен на пленку. Тот репортер, а его звали Брон, специально меня подначивал, чтобы вызвать реакцию. У него была такая передача — провоцировать знаменитостей. Я его сначала предупредил: остановись. А затем сказал: «Тебе что, вмазать?» Он ответил: «Попробуй». Я и попробовать не стал, а просто заехал ему в физиономию. Правда, позже мы с ним подружись, и я стал даже крестным отцом его сына.

— Вы популярны во многих странах, в частности в США.

— Много раз бывал там. Писал песни для моих американских друзей. Для Нила Даймонда, Стиви Уандера. Много для групп стиля «кантри» — ковбойского. Мне он нравится. Был забавный случай с моей дочерью Эмили, которая живет в Америке. Она наполювину американка — моя жена из США. Как-то она приехала ко мне на баржу (а здесь у нее свой уголок) и привезла новый компакт-диск с музыкой «кантри». Поставила его и стала расхваливать одну песню, приговаривая, что вот как раз такую музыку и надо писать. Но эту песню «Возьми лучшее от лучшего и забудь об остальном» как раз я и написал. Она не поверила и бросилась изучать диск, на котором под понравившейся песней стояло имя композитора: Жильбер Беко. Эмили была очень довольна.

— Недавно узнал, что вы пишете «музыкалы» — современные, так сказать, оперетты.

— Пока только одну написал. Называется «Роза». Основана на прекрасной книге Романа Гари «Жизнь, как она есть». Мы сделали американский вариант, который сейчас идет в Штатах. Вместе с известным режиссером-экспериментатором Жеромом Савари готовим сейчас «Розу» для Франции. О чем в ней речь? Это рассказ о бывшей проститутке еврейского происхождения из Польши, которая прошла через нацистские концлагеря, но по счастью, осталась в живых и уехала в Америку. Там Роза устраивает у себя дома своего рода пансионат для детей проституток. Прекрасная история — трагичная, очень смешная, очень человеческая. Много действий. Оттуда песня «Роза», она на моем последнем

диске. На французской сцене в театре дворца Шайо «Роза» появится в сентябре будущего года. Есть у меня еще и опера. «Аран» — такое же название, что и у баржи. «Аран» — это архипелаг в Ирландии. Это история любви. История попроще — в операх надо избегать сюжетных сложностей, иначе зритель вообще там ничего не поймет.

— В России распространена французская поговорка «шерше ля фам». Мир вращается вокруг женщин, а ваш мир?

— В не большей степени, чем у остальных. Мой мир — музыка и дети, которых я очень люблю.

— Брижит Бардо в отличие от

других мужчин, с которыми ее связывали интимные отношения, о вас очень дружелюбно отзывался: Жильбер — прекрасный артист и человек, писала она.

— Я книгу не читал, а моя жена — сразу же. Приятно знать, что о тебе хорошо отзываются.

— Ваш предыдущий диск назывался «Жизнь как роман». Ваша жизнь — роман?

— Моя личная жизнь безнадежно нормальная. Я самый обычный человек. Артист — отдельный случай. Жильбер — одно, Беко — другое. Сцена мне доставила массу удовольствия. Это как наркотик. Вот, к примеру, сегодня с утра у меня ноют зубы. Если бы надо было петь вечером, то никакой боли бы не было. Это так просто.

— Вас называют трудоголиком. Это так?

— Да нет. Я родом с юга, а там отношение к работе неспешное, философическое.

— Ну а 249 выступлений за один год?

— Налогой надо было платить. Отдавать долг государству. Но я в отличие от некоторых других не перебираюсь в Швейцарию, где налоговый режим щадящий.

— Какие человеческие качества вы больше всего цените, а какие отвергаете напрочь?

— Я предпочитаю людей, может быть, не идеальных, но умных, а не симпатичных идиотов, дураков.

— Точь-в-точь как в русской поговорке: лучше с умным потерять, чем с дураком найти.

— Точнее не скажешь. Люблю людей прямых и откровенных. Не люблю скользких типов, тех, кто не держит своего слова.

— Вы в прекрасной физической форме. Занимаетесь спортом?

— Да нет. Наверное, гены от родителей достались такие. Единственное, в чем себя ограничил — лет пять-шесть назад прекратил выпивать, а раньше-то увлекался. Правда, это не значит, что не позволяю себе бокал-другой хорошего бордо.

На этой фразе от Жильбера Беко поступило предложение перейти к черной стойке бара, где густое, с еле уловимым черносмординовым шлейфом вино было разлит в бокалы.

— Ну а сигареты? Вы же всегда были заядлым курильщиком. Не бросили?

— Нет. Как и раньше, выкуриваю две-три пачки в день.

— Совсем немало.

— Рано или поздно надо будет от чего-то умирать. Но как мне сказали врачи во время последнего медосмотра, я из тех, кто никотин перерабатывает полностью, и мои легкие чисты, как у младенца. Врач даже сделал повторный рентгено снимок на другом аппарате, и все с тем же результатом. За всю его практику он всего лишь пару раз встречал таких феноменов.

— Жильбер, несколько слов о вашей семье.

— Жена. Шестеро детей. Пятеро собственных плюс девочка-лаотянка, которую мы с женой удочерили несколько лет тому назад. Два сына, три дочери. Один сын, Филипп, стал композитором, другой, Гайа, работает звукооператором. Старшая дочь поет, другая занимается экологией, третья нашла себя в антикварном деле, живет в Нью-Йорке. Лаотянка Ной в школу ходит. Прекрасно учится и играет в футбол — вратарь.

— Когда ждать вашего возвращения на сцену?

— В будущем году после перестройки «Олимпиады» я открою гим новый сезон. Это будет мой 30-й «олимпийский» сезон, а впервые я там выступил в 1955 году.

— Где встречаете Новый год?

— Как всегда, в Швейцарии, в моем доме вместе со всей семьей. Знаете, я уже давно не был у вас в России. Времена были сложные, беспокойные. А вот теперь через «Труд» хочу сказать вашим соотечественникам: с удовольствием приехал бы на гастроли в Москву. Кто знает, может быть, еще встречу там Натали. Так что, надеюсь, — до скорого свидания!

Вячеслав ПРОКОФЬЕВ, соб. корр. «Труда».

ПАРИЖ.

Фотарь автора.

31 декабря 1996 года